

Выйдя из машины, Сяо Тинлань с бесстрастным лицом пошел прочь. Глядя на его спину, источающую холод и отчуждение, Линь Сань с недоумением спросил стоящую рядом секретаршу: — Что опять не так?

«Ты еще спрашиваешь?» Нэнси поправила на переносице золотые очки и спросила с таким же недоумением:

— Господин Линь, неужели вам совсем не было стыдно произносить такое прилюдно?

Линь Сань оторопел:

— А? О! Вот оно что... Он из-за этого разозлился? Да не может быть! Я назвал его хозяином, чтобы возвысить его, он радоваться должен!

Раньше, когда он гулял с друзьями, некоторые называли своих пассий «моя принцесса», «моя королева» или «моя госпожа», и Линь Сань видел, что девушкам это очень даже льстило.

«С чего бы ему радоваться?» — подумала Нэнси. — «Когда ты молчишь, люди думают, что только ты извращенец. Но стоит тебе открыть рот, и все думают, что вы с боссом — парочка извращенцев. С чего бы ему быть довольным!»

Видимо, осознав, что сболтнул лишнего, Линь Сань в течение долгого времени вел себя тише воды, ниже травы. В конце концов его привели в огромную комнату и усадили на диван. Он сидел чинно: спина прямая, руки на коленях. Сяо Тинлань с мрачным видом сидел напротив. Между ними было добрых два метра дистанции.

Линь Сань повел глазами и начал разговор:

— Когда прибыли в Жунчэн?

Сяо Тинлань не удостоил его ответом. Однако в этом мире есть тип людей, которые мастерски умеют разговаривать сами с собой:

— С тех пор как мы расстались в Стране Утопий, от тебя не было ни слуху, ни духу. Я уж подумал, ты передумал и не собираешься меня содержать! — Кажется, ты немного похудел. Плохо кушаешь? — А где дядя Фу? Он не приехал с тобой? Жаль, мы с ним так сблизились, я уж планировал принять его со всем гостеприимством.

— Со завтрашнего дня... — Видимо, устав слушать этот словесный мусор, Сяо Тинлань резко прервал его:

— Ты переезжаешь сюда.

Линь Сань замер:

— «Переезжаю сюда» означает, что я не смогу ходить на работу и домой?

Сяо Тинлань спокойно кивнул.

Это уже какое-то тюремное заключение получается. Линь Сань покачал головой:

— Так не пойдет. У меня дома куча детей... Ты ведь наверняка уже всё об этом разузнал.

Сяо Тинлань нахмурился:

— Это прописано в контракте. Ты должен беспрекословно мне содействовать.

— Содействовать — это одно, но торчать здесь двадцать четыре часа в сутки — нет! — В этом вопросе Линь Сань был непреклонен.

Лицо Сяо Тинланя слегка потемнело. Он глубоко вздохнул:

— У меня скоро начнется период «росы».

На самом деле он уже начался, просто Сяо сдерживал его с помощью медикаментов.

Что еще за «период росы»? Звучит так, будто кому-то срочно требуется полив! Линь Сань не понял, поэтому с предельной честностью об этом и спросил. В ответ он получил такой ледяной взгляд, что едва не превратился в сосульку.

В итоге они решили пойти на компромисс. Договорились, что пока Сяо Тинлань находится в Жунчэне, Линь Сань будет являться по первому зову.

«Этот человек хочет от меня только плотских утех». На поверхности Линь Сань во всем соглашался, но в душе лишь усмехнулся. Как он, настоящий мужик, может довольствоваться ролью живого массажера? Сначала нужно завоевать его тело, а потом и сердце!

— Где спальня? Пойдем в душ? — Линь Сань встал и посмотрел на Сяо Тинланя.

— Когда приступим к исполнению контракта?

Сяо Тинлань: «...»

— Не смотри на меня так! — Линь Сань вздохнул и совершенно искренне добавил:

— С тех пор как ты запер меня в той камерке, я всё это время воздерживался. Честно говоря, я тоже очень изголодался!

Лицо Сяо Тинланя оставалось мрачным, но кончики его ушей, похожие на белый нефрит, начали медленно краснеть.

Восемь часов спустя, то есть в девять вечера, Линь Сань в прекрасном расположении духа ехал на машине домой. Дети еще не спали, они ждали его.

Ван Яо спросил:

— Что-то хорошее случилось? Почему у тебя такой довольный вид?

Го Синчэнь кивнул, выглядя совершенно согласным. Зато Линь Кэинь смешно сморщила носик, принялась и с подозрением выдала:

— Ты специально принимал душ, да еще и духами набрызгался.

Линь Сань, услышав это, дважды кашлянул. Он не был из тех, кто любит что-то утаивать — напротив, стоило случиться чему-то мало-мальски хорошему, ему сразу хотелось раструбить об этом на весь мир и похвастаться. Поэтому он заявил:

— У меня есть для вас отличная новость. Ваш старик-отец, то есть я, Линь Сань, сегодня официально перестал быть одиноким!

— У тебя опять появилась девушка?

— Что значит «опять»? — Линь Сань сердито зыркнул на девчонку. Он объяснил детям, что в этот раз всё официально, человек ему очень нравится, и он намерен строить с ним долгие и серьезные отношения.

Ван Яо тут же проявил заботу:

— И что же это за человек?

Линь Сань задумался:

— Красивый, богатый и по уши влюблен в меня (точнее, в моё тело).

Линь Кэинь:

— Богачка! (Фупо) «Неужели папа всё-таки встал на этот путь?» — со смешанными чувствами подумала девочка. — «Человек, который в свое время даже в «Красной романтике» держал себя в руках, наконец-то пал! Неужели детей стало так много, что он не выдержал финансового гнета?» Внезапно её охватило чувство кризиса, малышка не на шутку разнервничалась. Ведь из всех детей отца только она была неродной!

— Я не знаю, о чем ты там думаешь, но советую немедленно прекратить, — Линь Сань прищурился и предупреждающе посмотрел на дочку. По тому, как бегали её глазки, было ясно: ничего путного она не надумала!

Го Синчэнь спросил:

— Возраст? Профессия? Был ли в браке?

— Младше меня, занимается бизнесом, в браке не был, но есть ребенок.

Жаль только, что Сяо Тинлань, кажется, совсем не хочет подпускать его к этому ребенку.

— Короче, дело обстоит так, — бодро подытожил Линь Сань.

— В ближайшее время я буду очень, очень занят. Так что приглядывайте за собой сами и без нужды меня не беспокойте.

Дети: «...»

Сяо Тинлань открыл глаза. Тело чувствовало усталость, но на душе было на редкость свежо и приятно — словно он отмокал в теплом источнике, полная релаксация. И тут блаженство прервал тот самый человек: он вошел, бесцеремонно распахнул шторы в спальне и громко заявил:

— Который час, а ты всё не встаешь? Ждешь, пока солнце поджарит тебе пятки?

Сяо Тинлань мгновенно нахмурился. Разве этот тип не ушел вчера вечером? Как он умудрился вернуться так быстро? На самом деле «этот тип» не просто вернулся, а уже успел приготовить завтрак. Рисовая каша с рыбой в горшочке, жареный хворост-ютя, несколько закусок и даже целая пароварка с баоцзы.

— Не знаю, привык ли ты к такому, — Линь Сань на секунду задумался и добавил:

— Если не нравится, могу поджарить тосты или салат настрогать.

Сяо Тинлань посмотрел на стол: китайский завтрак выглядел очень аппетитно и так и манил ароматом пара. В итоге он поджал губы и сухо бросил:

— Не нужно.

Они принялись за еду в тишине. Сяо Тинлань во время завтрака любил читать газеты. Линь Сань заглянул в его лист и обнаружил там буквы, в которых ничего не смыслил.

— Кое-что хотел спросить, — Линь Сань заговорил с зажатым в зубах куском хвороста.

— Раз тебе не нравится, когда я зову тебя Хозяином, то как мне тебя величать? Директор Сяо? Босс Сяо? Господин Сяо?

— Называй меня просто по имени.

— Да ну, как-то официально! — Линь Сань покачал головой, в его глазах промелькнула озорная искорка, и он внезапно, без всякого предупреждения, выдал:

— Лань-Лань!

В то же мгновение мужчина за газетой буквально одеревенел всем телом.

— Заткнись! — спустя пять секунд холодно отрезал Сяо Тинлань.

— Не смей так меня называть.

Лицо Линь Саня тут же выразило глубокое сожаление. Лишь спустя приличное время он, словно идя на компромисс, произнес:

— Ладно. Не хочешь Лань-Лань, тогда буду звать Тинлань. Можно?

Великий писатель Лу Синь когда-то говорил: человеческая натура склонна к компромиссам. Поэтому, по сравнению с вызывающим мороз по коже «Лань-Лань», вариант «Тинлань» показался уже не таким неприемлемым.

— Тинлань, Тинлань, Тинлань, Тинлань, Тинлань... — Линь Сань повторил имя раз десять, доведя собеседника почти до белого каления, и напоследок многозначительно вздохнул:

— А ведь действительно хорошее имя!

Так их «совместная жизнь» — странная, деформированная, но полная событий — взяла свой старт. Их ежедневное расписание выглядело так: секс — секс — секс. Да, это было по-настоящему развратно.

Линь Сань и сам не понимал, что с ним происходит: стоило ему увидеть Сяо Тинланя или почувствовать его запах, как он терял голову. С Сяо Тинланем творилось то же самое: каким бы гордым и холодным он ни казался в обычное время, стоило Линь Саню его обнять, как он становился совсем мягким. Правда, привычку распускать руки он так и не бросил. Иногда, если поза была неудобной или Линь Сань ляпал какую-нибудь очередную пошлую глупость, Сяо Тинлань, глядя на него томным, нежным взором, одновременно сжимал кулаки и колотил

его. Бил он на совесть: однажды Линь Сань всерьез испугался, что у него треснуло ребро.

Конечно, в эти дни безумной страсти Сяо Тинлань ежедневно исчезал примерно на час в строго определенное время. Линь Сань знал: он идет к ребенку. Малыш по имени Тунь-тунь был здесь же, в этом поместье. Но, к сожалению, Линь Саню так и не удалось его увидеть ни разу.

Он даже пытался протестовать:

— Ну неужели мне нельзя просто взглянуть на ребенка?

На того самого карапуза, которого дядя Фу называл «земным ангелом».

— Нельзя, — ответил Сяо Тинлань, встречая умоляющий взгляд Линь Саня.

— Это мой ребенок, и тебя он не касается.

<http://bllate.org/book/16514/1503045>